

К 350-ЛЕТИЮ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1. Петр Великий — царь-реформатор. В чем заключались, на Ваш взгляд, его основные реформы?
2. Насколько серьезно, на Ваш взгляд, отразились на политической личности Петра «мятежи и казни» его детских лет?
3. Менялось ли у Вас с течением времени представление о личности Петра и что служило причиной этого?
4. Известны ли Вам какие-либо суждения Петра о таких гуманитарных ценностях, как справедливость, права и ценность человеческой личности, качество жизни населения и тому подобное?
5. Нужны ли на данном историческом этапе такие масштабные личности, как Петр Великий?
6. Какие художественные произведения, на Ваш взгляд, наиболее адекватно воссоздали образ царя-реформатора?
7. Может ли образ Петра Великого, на Ваш взгляд, вдохновить авторов будущего на создание новых великих произведений (литература, театр, кино)?

Павел Вялков, философ (Астрахань)

1—7. Всю свою сознательную жизнь царь Петр пытался переделать Россию, сделать ее лучше. И в качестве образца он избрал европейский Запад, посчитав, что он превосходит его Отечество во всем. Петр открыто призывал учиться у Запада и считал носителей западных ценностей своими учителями. Для того и прорубал многочисленные окна в Европу, из которых на Русь хлынули потоком ветры перемен. Для многих этот сквозняк оказался неприятной неожиданностью. Те, кто решил слепо довериться интуиции царя, последовали за ним до конца, утратив свою исконную идентичность, но так до конца и не став европейцами.

То, что называется «петровскими реформами», на самом деле носило революционный характер. Нетерпеливый характер Петра заставлял его проводить реформы в попытках, без должной подготовки задуманного и последующего анализа сделанного. Царь был очарован Западом. Поэтому считал, что все самое лучшее и передовое исходит из тех земель. И эта его упертость делала из него фанатика всего иноземного. В отличие от своего отца и брата (Алексея Михайловича и Федора Алексеевича), которые были истинными реформаторами, Петр по природе своей был революционером. Он хотел все и сразу. Поэтому не считался ни с какими жертвами. И то, что можно было сделать «мягко», он вершил (рушил) в особо жесткой форме. Главным его врагом оказалась Московская Россия (Московия), которую он оценивал как некий «медвежий угол». В этом вопросе он был ярким русофобом — его взгляды на русскую историю и значение России мало чем отличались от западных недоброжелателей Московии. Как справедливо заметил академик Д. С. Лихачев, царь Петр продолжил то, что было начато до него: «Идея „просвещенной монархии“, „царя-труженика“ была изложена еще до

Петра в стихах Симеона Полоцкого — учителя детей отца Петра — Алексея Михайловича». Но Петр ускорил этот процесс, и не всегда эту скорость выдерживали русские души.

Как писал в свое время Вольтер в «Истории Российской империи при Петре Великом», то, что другие нации достигали за 500 лет, царь достиг за 50. Другой вопрос, какой ценой эти достижения были сделаны? С высоты своего времени мы можем сказать, что незавершенность и поспешность петровских реформ делали Россию уязвимой как для внутренних, так и для внешних вызовов. Стремясь слепо подражать Западу, Петр не смог переломить у Запада русофобский стереотип — да и его «птенцы гнезда Петрова» так и остались для утонченного и просвещенного Запада «азиатскими варварами». Даже такой апологет русского самодержавия, как Н. М. Карамзин, был вынужден признать, что чрезмерное царское увлечение иностранным, стремление сделать Россию Нидерландами привело к тому, что русские образованные люди «стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»...

Царь Петр родился 30 мая (9 июня) 1672 года, когда палачи царя в крови утопили Астрахань — последний оплот разинского бунта. Эти кровавые события ознаменовали появление на свет будущего первого российского императора. На это обращал внимание и А. Пушкин:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Затем были стрельческие бунты 1682, 1689 и 1698 годов, восстания в Астрахани 1705 года, восстание Кондратия Булавина на Дону 1707 года. И это не считая официальных войн, которые петровская Россия вела от имени и по воле своего царя.

Царь Петр — человек войны. Он всю жизнь противостоял то внутренним бунтам, то внешнеполитическим вызовам. Изнутри его раздирали комплексы неполноценности (он был младшим сыном своего отца и не получил должного образования), а вовне терзали мирские страсти, которые выливались в бесконечные попойки, фейерверки и маскарады. Чего, например, стоит один его Всешутейший собор! В свое время анекдотов о царе было столько же, сколько и достоверных фактов. Причем первые успешно конкурировали со вторыми. Даже А. С. Пушкин, работая над «Историей Петра Великого», не всегда различал эту грань.

Главным упреком политической деятельности царя является то, что он нерационально расходовал ресурсы России. Особенно был расточителен с человеческим капиталом. Как известно, после его царствования численность населения России сократилась. Считать его рачительным «хозяином земли Русской» не приходится. Очень многое у него было продиктовано тем, что впоследствии получит обозначение как волюнтаризм. Но волюнтаризм Петра был продиктован не политическими причинами, а его личным капризом.

Чем сложнее историческая личность, тем неоднозначны ее оценки. Именно к таким персонам относится и личность царя Петра. На извечный вопрос, чего в нем было больше — добродетели или злодейства, каждый пусть отвечает сам. Мы же, используя образы Ф. М. Достоевского, можем сказать, что в нем ангелы и бесы устроили самое настоящее побоище. Причем их схватка завершилась боевой ничьей: никто не победил, но все изрядно постарались...

И действительно, чем больше мы изучаем источники петровской эпохи, тем противоречивее перед нами предстает личность самого царя. Разброс в оценках весьма

широк: у таких, как М. В. Ломоносов, он предстает в образе «русского бога», у гонимых им старообрядцев и опальных стрельцов он объявлен Антихристом. Царь был человеком крайностей. Видимо, эти крайности в нем как-то уживались. Но об этом судить не нам и даже не ему, а Богу. Но то, что царь сделал с Русской православной церковью (фактически превратив ее в государственно-административную структуру), заслуживает отдельного порицания. Многие расценивают церковную реформу как протестантскую кальку. И у многих верующих этот факт отрицательно воздействует на их общие оценки результатов его правления.

Оставляя за скобками его реформаторскую деятельность, акцентируем внимание на самой личности царя. С одной стороны, это веселая, любознательная, мятущаяся натура, находящаяся в вечном поиске чего-то нового и интересного, трудоголик. Опять же, вспомним А. Пушкина:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

С другой стороны — хронический алкоголик, прелюбодей, самодур, психически неуравновешенный человек... Он любил быть не только плотником, но и охотно выполнял работу палача. И все это и есть царь Петр. Мы целенаправленно не употребляем слово «Великий», поскольку не уверены в том, что в этом термине положительные оценки будут преобладать над отрицательными характеристиками. Ясно одно: «святым» он стал в имперской идеологии, но не у Церкви. Поэтому в чем состоит его величие, этот вопрос будет всегда открыт для обсуждения.

Был ли царь Петр добрым человеком? Вопрос весьма спорный. Судя по истории его жизни, он особым гуманизмом и состраданием к ближнему не отличался. Есть свидетельства его чрезмерной жестокости, но нет или почти нет свидетельств, которые бы указывали на его миролюбивый и благочинный характер. В тот век ценность человеческой личности измерялась мерой, приносящей ей пользы государю и Отечеству. Царь жаловал и казнил сообразно своим личным представлениям о добре и зле, о правде и справедливости. Однако есть объективные факты (как, например, сокращение в годы его правления численности населения России), которые явно идут не в его пользу. Но главные итоги его деяний — возникновение Российской империи и модернизация страны — могут отчасти уравновесить его недостатки. Хотя и здесь не обошлось без великого «если»: если бы не Екатерина Великая, то бездарные наследники царя Петра уже через столетие все бы его достижения разбазарили. Все к этому у них тогда и шло. Поэтому, говоря о достоинствах царя Петра, мы понимаем шаткость этих позиций.

Нужны ли на данном историческом этапе такие масштабные личности, как Петр Великий? В XX веке сопоставимой с ним исторической фигурой стал И. В. Сталин. Нужен ли он был СССР или нет? Ответ: и да, и нет. Личности подобного калибра приходят в историю сами. Если вызовы времени потребуют от России такой личности, она непременно найдется. Обстоятельства призовут ее, хотим мы того или нет. Россия слишком велика и богата талантами, чтобы испытывать дефицит в таком капитале.

Критики обращают внимание на неустойчивый и нервный характер царя Петра. Его психологические срывы, частые смены настроений делали атмосферу вокруг него крайне напряженной. В воспоминаниях современников царь предстает как яркая, но весьма сложная и противоречивая личность. Именно эта его необузданность и привела царя

к преждевременной кончине. Царь не успел подготовить себе достойного преемника, и этот провал предопределил все последующее столетие, который вошел в историю как век дворцовых переворотов. И эти дворцовые перевороты лежат на совести царя Петра.

Даже академические историки не в силах воссоздать реальный образ царя-реформатора. О художественных произведениях и говорить не приходится. Все они — сказки, притчи, басни, мифы... Каким царь был в реальности, не знали даже самые близкие к нему люди. Поэтому и начали его идеализировать, поскольку все последующие правители (вплоть до упомянутой нами Екатерины Великой) были жалкими эпигонами, карликами в сравнении с величием этого исторического великана.

Образ царя Петра, бесспорно, весьма колоритный, и писатели могут в нем найти немало интересных сюжетов как характерного, так и событийного типа. Чего стоят его царские забавы: увлечение коллекционированием различного рода диковинок, маниакальная тяга к анатомии и т. д. и т. п. В этом плане художественная фантазия может добавить своих красок, которые высветят эту историческую персону в новом для нас ракурсе. Но эти «добавления» будут носить ненаучный характер.

Подводя итог всему вышесказанному, позволим взять на себя смелость и констатировать, что проект царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (поэтапное реформирование и модернизация России), если бы они остались у власти, мог принести России гораздо больше пользы, чем «топорные реформы» их младшего отпрыска. В царствование Петра I Россия испытала самый настоящий шок и вопрос: нужно ли ее еще раз подвергать такой шоковой терапии? На нашей малой памяти есть шоковая терапия «лихих девяностых», которые страна прошла тоже со значительными потерями. Сколько еще России надо потерять, чтобы обрести в себе уверенность и гармонию? На этот вопрос должны отвечать уже мы сами...

Яков Гордин, историк (Санкт-Петербург)

1. Подробно перечислять весь комплекс реформ здесь невозможно. Назову три основополагающие.

Церковная реформа, в результате которой церковь стала одним из «департаментов», а царь — главой церкви. В ходе церковной реформы была законодательно отменена тайна исповеди. Исповедь стала инструментом сыска. И это нанесло тяжелый удар народным миропредставлениям. Хотя идеализировать допетровскую церковь не следует.

Налоговая, податная реформа, в ходе которой была закреплена остававшаяся свободной часть населения — церковные служители, «вольные и гулящие государевы люди».

Незавершенная реформа управления — новая государственная структура.

Военная реформа — создание боеспособной армии европейского уровня и гвардии, выполнявшей еще и функции удержания власти, контроля и управления. Единственная полностью удавшаяся реформа. Возникла военная империя.

2. Мятеж 15 мая 1782 года в значительной степени сформировал отношение Петра к московскому быту: он возненавидел Московию и сам говорил об этом. Потрясение такого характера привело к некоторому искажению сознания. Он до конца жизни боролся с призраками.

4. Была полной туфтой распространенная когда-то тенденция — «очеловечить» безжалостную расправу с Алексеем с ее неоправданной жестокостью. Алексея пытали уже после вынесения смертного приговора. Возможно, это тоже было своеобразное эхо событий мая 1782 года. Как и массовые казни стрельцов в 1789 году.

Конечно, он искренне желал «блага отечеству», как он его понимал. Он видел это благо в создании идеального «регулярного» государства с полностью подчиненным

и контролируемым населением. Идея классической утопии. И ради реализации этой идеи он не щадил ни себя, ни окружающих, ни весь мир. «Все были равны перед его дубинкою». Тот же Пушкин точно сказал, что Петр «презирал человечество» больше, чем Наполеон.

Себя он очень жалел и постоянно жаловался — как тяжело ему приходится и как он страдает от непонимания.

Да, Петр толковал об «общем благе». Думал ли о благосостоянии подданных? Это его не интересовало. Он разорил крестьянство чудовищными налогами.

Надо иметь в виду, что все его царствование проходило на фоне непрерывных войн, которые он начинал. И это диктовало характер реформ — вкупе с особенностями его личности. Войны стоят дорого.

Да, еще — «окно в Европу». Сошлюсь на одного из умнейших русских людей генерала Михаила Александровича Фонвизина, декабриста, писавшего в Сибири историю России: «Если Петр старался водить в Россию европейскую цивилизацию, то его прельщала больше ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации — дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и даже противен. Мечтая перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого достоинства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели».

При этом Петр безусловно был человеком с чертами гениальности.

5. Масштабные — да. Но грандиозные замыслы Петра носили иногда утопический характер. Они были нереализуемы в принципе, и потому ему приходилось применять неограниченное насилие, чтобы преодолеть сопротивление реальности. От таких личностей — избави Боже!

6. Очень сильный рассказ (повесть?) Алексея Николаевича Толстого «День Петра». 1919 год, Берлин, если не ошибаюсь. Куда трезвее и жестче, чем роман тридцатых годов.

Очень любопытен роман Мережковского «Петр и Алексей» из трилогии «Христос и Антихрист».

Конечно, «Восковая персона» Тынянова.

«Арап Петра Великого» в этом отношении — неудача. После «Истории Петра» Пушкин ничего подобного не написал бы.

Толстой бросил после длительных отчаянных попыток роман о Петре, потому что не мог вжиться в личность и эпоху.

Он заходил со всех сторон — и через простонародье, и через аристократию, и через «новых людей» (Щепотев). Не получалось. Чужой материал. Не то что в «Войне и мире».

Он не умел фантазировать. Он мог писать только о том, что знал, лично пережил так или иначе.

А фрагменты есть превосходные, точные, глубокие. Например, — перетекание исторической энергии от Софьи к Петру, внутренние монологи князя Василия Васильевича Голицына. Блестящая проза, помимо основательности смысловой.

7. Может, естественно. Если будет осознана разница между реформатором и революционером. Пушкин говорил о «революции Петра». Реформа — это совершенствование существующего. Революция — «до основанья, а затем...». Потому «Великая английская революция» — ложный термин. А Великая французская или Октябрьская — точный.

«Великий Петр был первый большевик...» (Волошин).

Литература. Но это будет некий новый Петр.

В кино и в театре неизбежна фальшь.

Александр Городницкий, поэт (Москва)

1. В том, что он пробил путь России к европейским морям и захолустное Московское царство превратил в Великую Российскую империю.
2. Очень серьезно. Этот постоянный страх способствовал развитию его жестокости и палачества, в том числе убийству собственного сына.
3. Да, от восторженного в детстве и юности до уважительного, но осторожного под старость, по мере того, как я узнавал многие исторические детали. Точнее всех о нем сказал А. С. Пушкин в коротком определении: «Гений — палач».
4. Нет, не известны.
5. Они нужны на любом историческом этапе.
6. Поэмы и проза Пушкина, роман А. Н. Толстого, памятники Фальконе и Михаила Шемякина.
7. Полагаю, что может.

Евгений Лукин, поэт, писатель, переводчик, историк (Санкт-Петербург)

1. Как известно, небесным покровителем Петра Великого являлся святой благоверный великий князь Александр Невский. Его походная иконка сопровождала царя везде. В конце концов по царскому почину этот святой князь стал и небесным покровителем Санкт-Петербурга — любимого детища Петра. Заслуга Александра Невского велика — ведь именно он осуществил цивилизационный выбор между Востоком и Западом, дав решительный отпор шведским и немецким крестоносцам на невыходных рубежах и смиренно приняв ханский ярлык на великое княжение. Тем самым он сохранил русский народ, православную веру, национальную идентичность — залог будущего создания Великой России.

Аналогичный цивилизационный выбор между Востоком и Западом осуществил и Петр Великий, только в противоположном направлении. Он отправился на Запад, где убедился в красоте его искусства, его культуры, убедился в мощи морских и сухопутных сил. Он увидел в этом свой идеал. Вернувшись на родину, царь посягнул на старинные духовные традиции, секуляризировал образование и техницизировал культуру. Его реформы, затронувшие буквально все стороны русской жизни, были скоропалительными, зачастую непродуманными, а порой и разрушительными. Главным их содержанием было переделка всего и вся на западный манер, сиречь вестернизация. Ярким примером тому служила религиозная реформа. Подражая протестантским странам, Петр Великий ликвидировал такой демократический институт, как патриаршество, и учредил Святейший Синод, превратив Русскую православную церковь в подобие государственного учреждения. Тайна исповеди была отменена, а ее содержание подлежало обязательному донесению в Тайную канцелярию. Что может быть ужаснее, чем петровское царство всеобщего доноительства? Перед алтарем своего западного идеала царь Петр совершил жертвоприношение — умертвил собственного сына. Не случайно петровская эпоха считается торжеством абсолютизма, когда воля одного человека творит произвол в отношении любого подданного. Но были ли эти жертвы оправданны? Сочетались ли петровские насильственные преобразования с русским миром, с русским ладом? Французский философ Жан Жак Руссо, размышляя о реформах Петра, заметил: «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего».

2. Наверное, ни у кого из русских царей не было счастливого беззаботного детства. Атмосфера лжи, притворства, насилия, страха царилла при дворе. В детском характере это развивало такие черты, как подозрительность, боязливость, недоверчивость. Их следствием были жестокость, беспощадность мстительность, дикость. Этим набором качеств в полной мере обладал и молодой царь Петр Алексеевич. Восстание стрельцов застало его врасплох. До смерти испуганный, в исподнем белье он бежал под покров Троице-Сергиевой лавры, малодушно оставив благоверную супругу и любимую мать на растерзание бунтовщиков. Позднее свой позор он отыграл на стрельцах, проявив невероятную жестокость во время публичных казней. Руководствоваться эмоциями было характерно для молодого царя. Под влиянием ретивых порывов он неудачно штурмовал и Азов, и Нарву. Лишь позднее к нему пришла государственная мудрость, которая диктовала необходимость серьезной подготовки подобных военных операций. Когда Александр Невский с малой дружиной одержал победу над большим войском крестоносцев в битве на Неве, это был трезвый и точный расчет. Подражая ему, царь Петр на утлых рыбацких лодках атаковал шведскую эскадру, ставшую в устье Невы. Безрассудный порыв окупила удача. Шведы были разгромлены. Но фортуна могла обернуться и другой стороной. В данном варианте у Петра не было точного расчета — были одни амбиции.

3. Все течет, все изменяется. В юности образ Петра, созданный доступной художественной и исторической литературой, в основном романом Алексея Толстого, представлялся несколько романтическим — этакий вершитель судеб Отечества, отважный полководец и великий преобразователь. В общем, тот могучий титан, что, по пушкинскому определению, «Россию поднял на дыбы». Со временем пришло понимание: не на дыбы он поднял Россию, а на дыбу. Ведь именно Петр на практике осуществил то, что позднее поименовали революционным скачком, сопровождаемым страшными страданиями и массовой гибелью людей. В этом смысле Петр Великий был не только отцом русской интеллигенции, но и родоначальником ее «передового» отряда — русских большевиков во главе с Лениным и Троцким. Правда, сегодняшние последователи Петра — младореформаторы ельцинской эпохи — оказались куда поуже большевиков: страну разрушили и ограбили, но преобразовать и воссоздать не сумели.

4. Понятие ценностей ввел в оборот Фридрих Ницше. В эпоху Петра о таких гуманитарных премудростях не ведали. Зато знали, что такое правда и ложь, польза и вред, добро и зло. Этими нравственными категориями и оперировали. Провозглашая себя императором, Петр Великий дал клятву «стараться о пользе общей, от чего народ получит облегчение». Его абсолютизм отрицал свободу и личный почин, который должен принадлежать только властвующей воле: «Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох». Накануне Полтавской битвы царь произнес зажигательную речь: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего». Следует отметить, что этот сакральный идефикс державности сохранился до сих пор. Советские поэты воплотили его в своих песнях: «Жила бы страна родная, и нету других забот» (Ошанин) или «Раньше думай о Родине, а потом о себе» (Шаферан). Кстати, это мнение разделял и Александр Пушкин. По его словам, подданный обязан «служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений». Как видно, в данном контексте нет места ни правам, ни ценностям отдельной личности, а уж тем паче такой «англинской вольности», как парламентаризм.

5. К сожалению, в России, да и в мире масштаб личности в большей мере измеряется пролитой кровью, нежели благими деяниями. В нашей истории масштабными

личностями считаются Иван Грозный и Петр Великий, Ленин и Сталин. На Западе к таковым причисляют Наполеона и Гитлера. Однако такие мощные исторические фигуры, как, например, император Александр III, в разряд масштабных почему-то не входят. Оно и понятно: царь оказался миротворцем, придерживался эволюционного пути развития, в годы его правления наша страна достигла небывалых экономических успехов. Ну какому радикалу это понравится? Где тут революционный драйв, где леденящие кровь злодеяния? Между тем фигура Александра III ныне все более и более завоевывает популярность. А его афоризм — «У России есть только два союзника: армия и флот» — сегодня стал политической аксиомой. Вот такая крупная личность, как представляется, и нужна на современном историческом этапе.

6. Петр Великий был сложной, противоречивой фигурой. Поэтому каждая историческая эпоха создавала свой образ царя-реформатора, который отвечал бы ее чаяниям, ее представлениям. Писатель Дмитрий Мережковский написал свой историософский роман «Антихрист. Петр и Алексей» в начале XX столетия — накануне грозных революционных событий. Он предчувствовал наступление грядущего Хама и видел в личности Петра Великого откровенного Антихриста. В романе ему противостоял сын — благоверный царевич Алексей, сторонник традиционных православных ценностей. «Хамы, все хамы! Церковь Антихристу продали!» — кричал он, умирая под пытками отцовских палачей.

А в другом историческом романе «Петр Первый», созданном писателем Алексеем Толстым в расцвет сталинской эпохи, противоположности поменялись местами. Теперь царь Петр олицетворял собой светлое начало — защитник Отечества, великий преобразователь, поклонник наук и искусств. Напротив, его сын — это чуть ли не исчадие ада, полный мракобес, поборник темных сил Запада, предатель родины. Роман писался по заказу Сталина, и в образе Петра Великого читатели должны были узнать могучий профиль вождя всех времен и народов.

По большому счету, кроме этих двух эпических полотен, в русской и советской литературе других величественных шедевров создано не было.

7. Мы живем в эпоху торжества постмодернизма. Его основной постулат: истина не выясняется, истина утверждается. Значит, фэйк — это постмодернистская классика. Посему будущие произведения, посвященные Петру Великому, будут всецело соответствовать широте личности их создателей, которые сегодня более доверяются своему воображению, нежели достоверному знанию. Дай бог, если эта широта окажется правдиво соразмерной личности самого Петра Великого.

**Сергей Кибальник, ведущий научный сотрудник
ИРЛИ РАН, доктор филологических наук
(Санкт-Петербург)**

1. У нас в России принято безоговорочно судить о чем угодно, независимо от того, является ли человек специалистом в этой области. Этот недостаток понимания важности экспертного мнения — существенная черта отсталости нашей страны. Об этом, кстати, я уже писал на страницах журнала «Нева»¹.

Поэтому начну с оговорки: я не историк и не специалист по петровской эпохе. Хотя одна из моих первых статей называлась «О „Риторике“ Феофана Прокоповича»²,

¹ Кибальник С. А. Анти-Неврозов: О том, как Н. Н. Страхов оклеветал Ф. М. Достоевского и почему эта клевета будет жить вечно // Нева. 2019. № 10. С. 176–197.

² Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век: Сб. ст. и материалов / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.

в ней я анализировал написанное этим сподвижником Петра в молодости на латинском языке и тогда еще не переведенное на русский пособие по ораторскому искусству. Его видной роли как участника петровских реформ и будущего вице-президента, а затем и фактического руководителя Синода я тогда почти не касался.

Сегодня же могу сказать, что предпринятая Феофаном по поручению Петра цезаро-папистская реформа русской церкви — при том что одновременно она была направлена против ханжества и суеверия московской церковной жизни — стала серьезным ударом по авторитету русской церкви, от которого она, кажется, так никогда и не оправилась.

Другие петровские реформы — экономические, военные, социальные, а также реформы в области культуры и образования — предопределили ряд военных побед и как результат выход к Балтийскому и Азовскому морям, секуляризацию культуры, а также повышение уровня образования и норм социальной жизни.

Однако отсутствие политических реформ и сохранение крепостного права, безусловно, свидетельствовало о существенных противоречиях в политике Петра I, о которых писал еще В. О. Ключевский: он «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно».

2. Они, конечно же, не могли пройти бесследно. Как известно, именно им некоторые современники приписывали периодически возникавшие конвульсии на его лице. Возможно, отчасти ими же вызывались и случавшиеся у Петра приступы гнева и внезапные проявления необузданной жестокости.

3. Академик Александр Михайлович Панченко говаривал: «Мы в Питере Петра любим». Я Петра I — как, впрочем, и других царей — никогда особенно не любил, но все же и никогда не сочувствовал современным попыткам развенчать его. Когда живешь в Петербурге, свидетельства величия Петра — хотя строительство нашего города далеко не только его заслуга — каждый день видишь перед собой.

Тем не менее мое отношение к этому русскому императору всегда оставалось неоднозначным. Ведь даже восхищавшийся им и работавший над его историей Пушкин писал, что многие его указы были «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом», словно «вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

4. Отдельные подобные высказывания, возможно, у него и найдутся. Например, может быть, вовсе не анекдот то, что, посетив инкогнито английский парламент, где ему перевели выступления депутатов перед королем Вильгельмом III, Петр сказал: «Весело слышать то, когда сыны отчества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно».

Однако, наверное, не случайно, что, думая о Петре I, мы в первую очередь вспоминаем не это и другие подобные, а иные его высказывания.

5. Нужны. Только мир настолько сильно изменился, что от современных масштабных личностей требуются иные свершения и, соответственно, критерии отнесения исторических деятелей к великим людям теперь совершенно другие. Положение России в мире сегодня таково, что ей, может быть, стоило бы помышлять прежде всего не о расширении, а о сохранении своих территориальных границ. Добиться же этого можно только за счет экономического и политического развития страны.

6. Историческая адекватность — отнюдь не главное достоинство художественных произведений. Например, в стихотворении «Пир Петра Первого» (1835) Пушкин изобразил один из редких эпизодов милосердия царя:

...Он с подданным мирится;
Виноватому вину

Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну.
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

И тем самым лишний раз продемонстрировал, что

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце — что же
Он будет без него? Тиран?

А заодно напомнил Николаю I о том, что скоро исполнится уже десять лет с момента суда над декабристами и что пора бы их и простить — по примеру Петра.

Кстати сказать, это пушкинское стихотворение, возможно, в какой-то степени компенсирует нехватку гуманистических высказываний самого Петра.

Не стоит забывать и о многочисленных метаморфозах «Медного всадника» в русской литературе — от Мицкевича и Пушкина до Блока, Андрея Белого и других. Особенно актуальными сегодня представляются строки Иннокентия Анненского:

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Вспоминается также и грустная история английского инженера Бертрана Перри, замученного в застенках кремлевской тюрьмы, которую поведал Андрей Платонов в своей повести «Епифанские шлюзы» (1926). А сочинил он ее, когда, работая инженером-мелиоратором, сам боролся с тамбовской засухой во времена раннего сталинизма.

7. Может, конечно. Но написано и снято о нем уже немало.
А разве мало других актуальных тем?

Алексей Пурин, поэт (Санкт-Петербург)

1. К сожалению, в исторической науке я профан, суждения мои, следовательно, поверхностны и интуитивны. Но думаю, что это была именно Реформация — в том числе и прежде всего религиозная. Патриархальное православие он сделал в итоге своего рода англиканством, подчинил Церковь себе, самодержцу, превратив священнослужителей в госслужащих. Это реформирование началось, конечно, еще при Алексее Михайловиче и Никоне. Потом было не до того: Софья боролась за власть.

Но замечательной и выигрышной ставкой Петра стало стремление «интернационализировать» тогдашнюю «элиту» — призвать к трону немецко-голландско-английских купцов и умельцев в разных ремеслах, а также польско-украинское «любомудрие» (чуть не ставшее тогдашней «идеологией» в умелых руках Феофана Прокоповича). Так возникла империя, поначалу прираставшая не землями, а людьми.

Тут все шло в дело, вплоть до бритья бород.

А в итоге — кто ж посмеет не взять рубль, на котором изображен победитель Антихрист, без бороды, в римских латах. Этика неотделима от эстетики. Он это точно знал, не пытаясь нравиться тем, кого считал отставшим от себя и от века. Добивал их, как мог.

Благодаря ему Россия стала великой европейской державой. Мы (большая часть российского общества) считаем себя европейцами, наследниками греко-римско-византийской цивилизации. По-моему, это куда естественней, интересней и перспективней ориентации на традиции и менталитет восточных кочевников или малочисленных горских народностей.

Отдельное спасибо Петру за Санкт-Петербург. И наследникам, которые не осмелились бросить эту непростую затею.

2. Еще бы не отразились! Всю жизнь помнил, что чудом уцелел. Поэтому евангельское «домашние — враги человека» понял излишне прямолинейно, мстил всем им. А потом — и просто всем.

3. Пожалуй, нет. И хорошее, и плохое о нем уже было написано до моего появления на свет — и прочитано мной целокупно.

4. Мне кажется, подобная «риторика» (модное, но зачастую верное слово) Петру Алексеевичу никогда в голову не приходила, — как, впрочем, и почти любому его здравомыслящему современнику. Более того — ни евангелисты, ни отцы Церкви, ни «гуманисты» Возрождения ничего такого не слышали и не писали. Эта демагогия (не слишком-то повлиявшая на реальную жизнь людей даже сегодня, — и не только у нас, но и там, где она якобы отражает мнение большинства и правящей элиты) сформировалась к финалу XVIII столетия и выразилась в «слоганах» Великой французской революции и Декларации независимости Соединенных Штатов. Как это ни парадоксально, но на фоне чудовищных зверств, устроенных пламенными проповедниками «свободы, равенства и братства» и их оппонентами, наш государь-сыноубийца (это, увы, факт) оказывается совсем и не таким уж исчадием ада, как его изображала всегда европейская пропаганда.

5. Поскольку, несмотря на утверждения некоторых культурологов, историю, увы, никто не отменял, для выживания и развития такой страны, как Россия, целеустремленные и деятельные личности, подобные Петру Великому, очевидно нужны (возможно, США на данном этапе могут без них обойтись: четыре года этим государством руководил человек, столь же по-детски самовлюбленный и ревнивый, как Ельцин, — и ничего у них не развалилось, в отличие от СССР!).

Другое дело, что сограждане-обыватели (да и я в том числе, каюсь, стыжусь!), как всегда, предпочли бы целеустремленной деятельности уют и покой. Действительно: какой-то безумец зовет нас вырваться из рамок сложившихся обстоятельств (отсутствия выхода к морям и т. д. и т. п.), разорвать постыдный плен (обступивших страну неприятелей, навязывающих нам свои порядки, и т. д. и т. п.), обещает впереди землю обетованную... Но мы-то знаем, что для этого надо скитаться по пустыне лет сорок да и всем в ней полечь — какое нам дело до следующих вольных поколений. И вот тут начинается наша жалобная песня о «ценности человеческой жизни» и «качестве жизни населения»: у всемирного фараона-де так много чечевицы и прочего корма — на всех его данников и невольников хватит с лихвой.

6. Сочинения Пушкина — от «Полтавы» до «Медного всадника» и историографических записей. Поработал-таки всерьез, деньги историографу платили не зря.

7. Почему бы и нет!

Воображаю себе сего грядущего сочинителя: сидит себе, обл и розов, пишет под диктовку то ли Клио, то ли Полигимнии. Вроде А. Н. Толстого на портрете П. П. Кон-

чаловского или Владимира Сорокина в жизни. Рюмочку хряпнет, немецким каперсом зажуеет. И опять писать...

В кино же обязательно все переврут (иначе никак, специфика!): Алексея Петровича назовут *Андреем* (и смутно так, но навязчиво жужжать будет, что он-де сын больного братца Иванушки, плод его преступной связи с царицей Авдотьей), Петра Алексеича (Гоша Куценко) со второй женой *Елизаветой* (Дмитрий Нагиев) поселят в Константиновском дворце у Маркизовой лужи (стоял, дескать, полон дум; глядел вдаль)... Постельные сцены... О, о них умолчу!

Александр Мелихов, писатель (Санкт-Петербург)

1. Мне кажется, главной его целью было максимальное увеличение боеспособности армии, а для этого, по его мнению, требовалась предельная концентрация ресурсов и власти. Возможная, опять же по его мнению, лишь в «регулярном» государстве, работающем как единый механизм, управляемый из общего центра. Достижения были огромны, но были очень велики и тактические, и стратегические издержки. Превращение соратников в «винтики» порождало их отчуждение от государства, снимавшее моральные тормоза, хотя бы теоретически способные уменьшить огромную коррупцию, а подавление свободы, частной инициативы препятствовало движению России по пути полноценной модернизации.

Таковы, на мой взгляд, были главные последствия петровских реформ.

Одним из важнейших последствий петровских реформ был и мощный рывок русской культуры, но он Петром, скорее всего, никак не планировался.

2. Я думаю, что детские впечатления формируют человеческую психику гораздо сильнее, чем пресловутые производительные силы и производственные отношения. Тем более впечатления такие кошмарные, как те, которые выпали на долю Петра-ребенка.

Вот случайные выписки из семисотстраничного тома «Петр I» (СПб., 2018; составитель Я. Гордин). Все нижеупомянутые жертвы — близкие люди мальчика.

«Стрельцы, уже рассвирепев, подняли его на пики, сбросили с крыльца и, убив его, выволокли на площадь на лобное место за Крым-город».

«Сбросили его с крыльца на копыя; потом сняли с него одежды, вывели за Крым-город и разрубили на части».

«Боярин Феодор Петрович Салтыков в страхе бежал к патриарху, но стрельцы, поймав его, зверски убили, предполагая, что это Иван Нарышкин».

Безумие толпы не могло не сделаться предметом страха и ненависти взрослого царя. Безумие взбунтовавшихся стрельцов могло бы даже показаться смешным, если бы не было таким страшным.

«Грабя двор Иллариона, они нашли греческую рыбу, называемую каракатицей; она имеет очень много ног. Забравши эту рыбу, они показывали ее народу, говоря: „Этой рыбой они отравили царя и нас собирались отравить“, и называли эту рыбу змеей. Они повесили ее в нескольких местах, чтобы все могли видеть. После этого убили сына Иллариона за то, что он знал, что его отец держит у себя такую отраву, и никому не говорил. Стрельцы убили и немца-лекаря Ивана Гутменса, принявшего православие, за то, что он отравил царя».

Это при полном отсутствии доказательств того, что царя вообще кто-то отравил. Неудивительно, что по контрасту Петр проникся почти религиозной верой в «регулярность».

3. Менялось очень сильно. Первый, романтический, образ был задан Пушкиным: движенья быстры, он прекрасен; какая дума на челе, какая сила в нем сокрыта...

В студенческие годы меня радикально переубедил мой тогдашний кумир Писарев, с негодованием перечислявший жестокие и нелепые петровские выходки.

Сегодня же я смотрю на Петра как на могучее явление природы, к которому нет ни малейшего желания применять моральные критерии или судить по законам рациональности, как она понимается сегодня. Да, он постоянно разрушал своей необузданностью то, что сам же создавал своим умом и волей, этот царственный Сизиф. Но это и делает его биографию полноценной трагедией — столкновение великой личности и рока.

4. Не известны. Мне кажется, и личность, и население имели в его глазах в основном ценность ресурса для воплощения его грандиозных замыслов.

5. Нужны для решения задач, почти противоположных петровским — для трансформации системы высших государственных ценностей. Чтобы успехи государств измерялись не территориальной и даже не экономической экспансией, а их культурными и научными достижениями. Пожалуй, такой Петр-2 был бы нужен всем великим державам.

6. Самый яркий реалистический образ создал, на мой взгляд, Алексей Толстой в своем «Петре Первом». Однако психология там довольно поверхностная, как всегда у третьего Толстого. Очень жаль, что роман о Петре не закончил главный Толстой — Лев.

7. Хотелось бы верить, но не знаю, кто из писателей, драматургов и сценаристов был бы или когда-нибудь будет на это способен. Толстовское сочетание глубокого погружения в исторический материал с мощным и смелым художественным обобщением — эта традиция сегодня прервана (не считать же ее достойным продолжением «Красное колесо»). Вряд ли она возродится в ближайшие десятилетия — сегодня ищут совсем в других направлениях. Но победы возможны и на другом пути — на пути гротеска или магического реализма в духе Маркеса. Новый образ Петра может сделаться метафорой той исторической России, которая и могучая, и бессильная.

Евгений Степанов, поэт, издатель (Москва)

1. Реформ, как известно, было много. Об этом лучше напишут более осведомленные специалисты. Но думаю, что главные достижения Петра I — это создание флота российского, завоевание позиций на Балтике, окно в Европу. За свою крайне короткую жизнь — всего-то Господь ему отмерил 52 года! — царь добился очень многого. И все его достижения оказались очень важными. Особенно в нынешнее время. Слова императора Александра III «У России есть только два союзника — ее армия и флот» актуальны сейчас, как никогда. Основу безопасности России заложил именно Петр I.

2. Для царей мятежи и казни дело привычное. Петр I столкнулся с этим еще в детстве, что, конечно, не могло не отразиться на его личности. И разумеется, сказать, что Петр I был святым, язык не повернется. Но все-таки оценивать правителей так же, как простых смертных, не всегда правильно. Царь не монах. Правители о б я з а н ы думать о том, как устранять смуту, расширять (желательно мирным путем) границы и добиваться процветания и приумножения населения. А если еще и соседи тебя уважают (а уважают только сильных!), тогда и вовсе хорошо.

3. Нет, не менялось. В нашей семье почитали Петра I. Когда я учился в школе, то всегда интересовался историей, меня даже рекомендовали на истфак МГПИ имени В. И. Ленина, так как я учился в первом педагогическом классе Москвы. И на под-

готовительных курсах этого вуза нам с восторгом рассказывали о Петре. А на дворе стоял 1981 год, когда царизм было принято называть «кровавым».

4. Петр I оставил после себя много афоризмов. Некоторые из них (например, антисемитского свойства) мне совершенно не нравятся, а многие, я думаю, актуальны до сих пор. Такие, например: «Русский тот, кто Россию любит и ей служит»; «Есть желание — тысяча способов; нет желания — тысяча поводов»; «Когда государь повинуется закону, тогда не дерзнет никто противиться оному»; «Деньги суть артерия войны»; «Говори кратко, проси мало, уходи борзо».

5. Нужны. Без них не создать прочного и длительного многополярного мира. Нужны личности, противостоящие гегемонии доллара. Корень всех проблем именно в этой гегемонии.

6. Люблю всем хорошо известный фильм режиссера Владимира Петрова «Петр Первый», снятый по роману Алексея Толстого, в этом фильме прекрасно играет главную роль легендарный Николай Симонов, очень симпатичен советский мюзикл Игоря Усова «Табачный капитан», где царя сыграл не менее легендарный и любимый с детства Владлен Давыдов. Почему-то думаю, что именно таким и был Петр, как его показывают в этих непохожих друг на друга картинах. Всегда их радостно пересматриваю.

7. Может. Петр I — личность неисчерпаемая.

Игорь Яковенко, историк (Москва)

1. Петр — целиком и полностью задан эпохой, историческим императивом. Есть такое понятие — догоняющая модернизация. Ее переживают страны, по своей природе неспособные к исторической динамике и столкнувшиеся с развитыми соседями. Универсальная закономерность: правящая элита осознает необходимость перемен, а «ширнармассы» и государственная религия активно противятся. Так обстояло дело в Османской империи (эпоха Селима III и Махмуда II). Здесь восставали янычары при поддержке религиозных кругов. В результате победы сил модернизации янычары были уничтожены.

Сходные процессы проходили в Персии. В Китае вспоминается восстание Ихетуаней (1898—1901), которое подавлялось иностранными войсками.

Россия впервые серьезно столкнулась с Европой в Смутное время. Поляки в Кремле наглядно продемонстрировали необходимость перемен. В XVII веке ранние Романовы постепенно ассимилируют европейскую медицину (аптеки), придворный театр, стиль одежды. Растут полки «иноземного строя». Их создавал уже Лжедмитрий II. Перемены были, но затрагивали крайне узкий слой общества

Петр раздвинул границы, создал европейскую армию и флот. Страна получила выходы к морю. Практически на голом месте была создана промышленность. Столицей стал заново построенный европейский город Петербург. Но главным деянием Петра была культурная революция.

Усилиями Петра в России утверждается европейский стиль одежды. Появляется газета. Дети дворян и чиновников должны были получать образование. В 1717 году возникает Кунсткамера, а также военно-морской и артиллерийский музеи. В 1724 году созданы Академия наук и Петербургский университет. Иными словами — структура столицы современного европейского города.

В течение XVIII века российская элита становится грамотной, осваивает французский язык, постигает ценность архитектуры и искусства. И, таким образом, вписывается в общеевропейский контекст.

Как у всех великих модернизаторов, у Петра были напряженные отношения с церковной иерархией. В итоге патриаршество замещается Священным Синодом.

В 1698 году, когда Петр находился за границей, произошел стрелецкий бунт.

В итоге стрелецкие соединения расформированы. Масса стрельцов казнена. Традиционная армия противилась преобразованиям и потому была обречена. Заметим, то же самое сделали с янычарами Османы.

2. Думаю, что сказались. Время было драматическое и формировало соответствующих властителей.

3. Мои представления о Петре задавались погружением в историю человечества и цивилизационный анализ. По мере погружения в эти сферы мне открывались как обусловленность Петра, так и объективные границы его личности и преобразований.

4. Что-то ничего подобного не вспоминается.

5. Ответа на данный вопрос не существует. Не только нашему обществу, но и мировому в целом предстоят глубокие перемены. А вот как они будут происходить, этого никто не знает.

6. Каюсь, моя картина мира и истории человечества формируется не литературой и искусством, а наукой.

7. Не думаю. Сегодня классические жанры переживают кризис. Какие формы примут литература и искусство в будущем, мы не знаем. Но относительно «великих произведений» меня обуревают сомнения. Боюсь, что новая реальность будет качественно иная. Эпоха гаджетов рождает нового человека.

Его интеллект, мышление и восприятие мира плохо согласуется с великими произведениями. Это я утверждаю как вузовский преподаватель.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*